

Смутная идея зародилась в голове Цзян Тинчжоу уже давно, а после публикации видеоролика с домашним соусом из ветчины она окончательно оформилась. Комментарии под записью буквально ломились от настойчивых вопросов: «Ну и где же ссылка?»

Разумеется, столкнувшись с задачей, которая поставила его в тупик, Ань Сяопин первым делом поспешил за советом к старшему брату.

Выслушав его, Тинчжоу дал предельно простой совет:

— Раз товара нигде нет, открой собственный интернет-магазин, а ссылкукрепи в комментариях под видео. У тебя вообще хватит на это денег?

В те годы эпоха прямых трансляций с продажами еще не наступила, однако никто не мешал им сыграть на опережение и занять пустующую нишу первыми.

— Брат, не переживай, денег у меня куры не клюют! — с нескрываемой гордостью выпалил Сяопин. — Мне сегодня как раз выплатили сто тысяч юаней!

Но следом в его голосе прозвучало сомнение:

— Только... думаешь, сработает?

— Не попробуешь — не узнаешь, — ответил Тинчжоу. — Если сам не будешь справляться, позови соседей по комнате. У вас ведь на филологическом в этом семестре расписание не слишком плотное?

Не будь рядом брата, Ань Сяопин вряд ли решился бы на столь смелый шаг. Однако уверенный тон Тинчжоу мгновенно вселил в него отвагу. Стоило повесить трубку, как он тут же огорошил соседей по комнате:

— Ребята, мы открываем интернет-магазин!

Лю Чан изумился:

— Чего-чего? Ты как-то слишком резко перескакиваешь с темы на тему, я не успеваю за ходом твоих мыслей.

"Мы ведь только что встали из-за стола, — пронеслось у него в голове. — Как мы вообще умудрились за пару минут дойти до открытия бизнеса?"

Сяопин во всех подробностях пересказал разговор с Тинчжоу и подытожил:

— Мой брат ерунды не посоветует. Стартовый капитал я беру на себя. Если прогорим — убытки мои, раз уж сам заварил эту кашу. Но если дело выгорит, каждому из вас пойдет по двадцать процентов от чистой прибыли. Что скажете?

Никто не возражал против того, чтобы Сяопин забрал себе сорок процентов. В конце концов, аккаунт принадлежал ему, деньги вкладывал он же, а от остальных требовалась лишь помощь с организацией. Условия были более чем щедрыми.

— По-моему, идея здравая, — отозвался Ма Цзялян. — Помнишь, ты снимал сладости со старого сахарного завода? Люди до сих пор в комментариях спрашивают, где их достать. Можно начать как раз с них. Зачем позволять чужакам наживаться на нашей аудитории, если мы можем заработать сами?

У Цзянхэ его поддержал:

— Согласен. До выпуска еще далеко, но ни для кого не секрет, что у нас, филологов, зарплаты копеечные. Если удастся подзаработать в студенческие годы, то и на ноги встать после выпуска будет проще, да и опыт ведения дела лишним не будет.

— Тогда я тоже в деле, — подытожил Лю Чан.

В тот момент ребята не строили грандиозных планов. Они просто хотели наладить небольшое дельце, чтобы иметь лишнюю тысячу-другую в месяц на карманные расходы. Подписчиков у канала действительно хватало, но превратить просмотры в реальные продажи — задача не из легких.

Но именно благодаря этой юношеской простоте они без лишних раздумий взялись за работу. Пускай в роликах Сяопина его друзья порой казались простаками, которые при виде вкусной еды теряли дар речи, глупцами они точно не были — в Университет Дунцзян бездарей не берут. Решимости парням было не занимать. Собравшись вместе, они быстро распределили обязанности и уже к вечеру подготовили полный пакет документов для регистрации интернет-магазина.

Цзян Тинчжоу тем временем возился у себя в саду, высаживая новые грядки. Благодаря секретам замачивания, которыми поделилась Чжоу Лифэн, семена проклюнулись почти все до единого.

Едва он успел положить трубку после разговора с Ань Сяопином, как на экране высветилось имя Ли Шуянь.

Они все-таки обменялись контактами. Сколько бы Тинчжоу ни убеждал ее, что в былых обидах никто не виноват, факт оставался фактом: они изменились. Разные круги общения, разные заботы, разные приоритеты — как ни крути, им уже никогда не стать теми легкомысленными старшекласниками, какими они были когда-то.

Однако Ли Шуянь и слышать ничего не желала.

— Я прекрасно понимаю, о чем ты думаешь, — заговорила она. — Ты вечно считаешь себя ходячим несчастьем, уверен, будто приносишь близким одни лишь беды. Но это чушь! Тинчжоу, если честно, когда я только вернулась и увидела, в каком ты состоянии, мне стало не по себе. Но потом я посмотрела, как ты помог семье Чжоу Лифэн, и поняла: жалость тебе не нужна. Я просто хочу, чтобы ты жил хорошо.

— Мне и сейчас живется прекрасно, — ровным тоном ответил Тинчжоу. — Сама ведь видела, с бедами семейства Чжоу покончено. Ладно, мне пора вешать трубку, нужно закончить с рассадой.

— Эй, подожди! — поспешно перебила она. — Неужели тебе больше совсем нечего мне сказать?

Тинчжоу ненадолго замолчал. Когда он снова заговорил, его голос звучал непривычно серьезно:

— Выбирай сахарный завод. Не слушай, что плетет Цзян Ли, сосредоточься на проекте ревитализации старого завода.

Ли Шуянь опешила.

Это был один из немногих советов, которые переродившийся Тинчжоу мог дать старой подруге. С точки зрения долгосрочной выгоды площадка старого сахарного завода являлась беспроектным вариантом, пускай даже земля под строительство элитного жилья возле школы сейчас казалась золотой жилой.

Проект завода обещал получить мощную государственную поддержку. На базе старых кирпичных цехов планировалось создать креативное арт-пространство. В будущем мода на винтаж и индустриальный шик захлестнет страну, превратив бывшую фабрику в культовое место для блогеров и туристов. Пусть этот бизнес не принесет мгновенных миллиардов, он гарантировал стабильный, неуклонно растущий доход — редкое исключение для проектов по реконструкции Старого района.

Напротив, участок под жилую застройку, за который сейчас грызлись все крупные инвесторы, обойдется компании по баснословной цене. А к моменту сдачи первых домов строительный сектор как раз начнет лихорадить от затяжного кризиса.

К тому же вскоре руководство Второй средней школы объявит о строительстве нового кампуса за городом. Средние классы переедут туда целиком, а старшую школу переведут на казарменное положение с обязательным проживанием в пансионе. Вся прелесть «элитного жилья у престижной школы» мгновенно улетучится, оставив застройщиков у разбитого корыта.

Конечно, из уст добровольно ушедшего на покой безработного подобные прогнозы звучали не слишком убедительно, но Тинчжоу все равно решил высказаться. Это было лучшее, чем он мог

ей помочь.

Был и еще один совет, который он хотел дать Ли Шуянь, — держаться подальше от брака с Цзян Ли. В прошлой жизни их союз со стороны казался безупречным, но затем Ли Шуянь устроила громкий, грязный бракоразводный процесс. Что именно послужило причиной столь яростного разрыва, пресса так и не сумела разузнать.

Теперь, за плечами у них были годы совместной учебы за границей, и детская неприязнь давно сменилась теплыми чувствами. Однако финал этой истории оставался прежним, и Тинчжоу не знал, появились ли уже первые трещины в их идеальных отношениях.

— И еще, — добавил он негромко. — Держи ухо востро с Цзян Ли.

Ли Шуянь на секунду замялась, прежде чем ответить:

— Понимаю. С сахарным заводом все непросто, мне приходится считаться с мнением совета директоров, но я постараюсь склонить чашу весов в эту сторону.

Она перевела дыхание и продолжила:

— Тинчжоу, я действительно хочу, чтобы мы остались друзьями. Если однажды тебе надоест бездельничать, не вздумай возвращаться к семье Цзян или просить о пощаде семейство Лу. Приходи ко мне. Я положу тебе оклад в три раза больше прежнего.

Тинчжоу невольно усмехнулся:

— Вы с господином Ли Сюем определенно одной крови. Он завел вчера ту же песню. Но я серьезно: с карьерой покончено.

— У меня условия другие, — не сдавалась Шуянь. — Вчера я заметила, что у тебя уже были готовы ответы на все сложные вопросы. Я еще в школе говорила, что ты чертовски умен. Тебе просто не хватило крепкой базы, поэтому оценки хромали, но для бизнеса у тебя настоящий талант. Назови любую сумму — я душу дьяволу продам, но найму тебя.

Она мечтательно вздохнула:

— Эх, а ведь в старших классах я часто думала, как мы с тобой и Сяопином откроем общее дело и станем партнерами.

Бывший генеральный директор Пищевой компании Цзян, успевший за прошлую жизнь до тошноты пресытиться бесконечной гонкой за прибылью, лишь покачал головой:

— Невозможно.

"Умирать на рабочем месте от инфаркта во второй раз я точно не планирую, — подумал он."

— Как знаешь, мое дело — предложить, — вздохнула Ли Шуянь. — Если что-то понадобится, звони в любое время. И да... тот обед у тебя во дворе был просто божественным. Честно говоря, ничего вкуснее я за последние годы не пробовала.

Те несколько часов, что она провела в тихом садике Тинчжоу, теперь казались ей самым безмятежным временем за последние месяцы. Ленивые споры с друзьями, простая домашняя еда на свежем воздухе... Неудивительно, что Тянь Хуэй говорила, будто это место обладает какой-то целебной, умиротворяющей силой.

Ли Шуянь повесила трубку в прекрасном расположении духа, чего нельзя было сказать о другом человеке, которого прямо сейчас пожирал липкий страх.

Посмотрев видеоролик Ань Сяопина, Лу Цзяхэ поначалу пытался убедить себя, что паниковать рано. Ну в самом деле, разве так просто наладить продажи кустарного соуса? Однако предчувствие беды не давало ему покоя. Едва дождавшись окончания вечернего совещания, он трижды набрал номер секретаря Сун. Длинные гудки безответно таяли в трубке.

Это был дурной знак.

Промучившись всю ночь без сна, утром Лу Цзяхэ приехал в офис и прямо с порога выслушал от личного ассистента ошеломляющую новость: секретаря Сун, занимавшую свой пост долгие годы, внезапно перевели на другую должность.

Верное доверенное лицо Лу Байюя в одночасье рухнуло с вершины карьерной лестницы в самую бездну. Влиятельная дама, которая раньше могла решать судьбы сотрудников и успела нажить немало врагов, оказалась низложена. Такое унижительное падение было едва ли не хуже прямого увольнения.

Кадровые перестановки в секретариате провели с молниеносной быстротой — преемник приступил к обязанностям немедленно, не оставив бывшей фаворитке даже шанса на плавную передачу дел.

— За какие грехи? — севшим голосом спросил Лу Цзяхэ, стискивая кулаки в карманах брюк.

Разумеется, ответ он знал и сам.

— Официальная формулировка — некомпетентность и неисполнение обязанностей, — боязливо прошептал ассистент. — Все произошло настолько внезапно...

Воистину, близость к власти сродни прогулке по логову тигра. Работать под началом Лу Байюя было прибыльно, но смертельно опасно. Поговаривали, что секретарь Сун вот-вот должна была

получить крупный пакет опционов компании. Теперь все ее многолетние труды пошли прахом. Что за роковая ошибка заставила босса пойти на крайние меры — оставалось лишь догадываться.

Слыша эти пересуды, Лу Цзяхэ понимал: их совместные с секретарем Сун махинации раскрыты. Не проронив больше ни слова, он вышел на парковку и направился к лифтам. На установленном у дверей плазменном экране крутился свежий репортаж с участием Лу Байюя.

Весенний сезон студенческого набора подходил к концу. Лу Байюй в качестве официального представителя Логистической группы Лу выступал с приветственной речью в одном из престижнейших вузов страны. Его появление на сцене вызвало шквал оваций. Обернувшись к залу, молодой топ-менеджер приветливо улыбался. На его безупречном лице не было и следа высокомерия — лишь искреннее обаяние и дружелюбие.

Презентация проходила в формате живого диалога, без сценария и репетиций. Когда из зала посыпались колкие, порой откровенно провокационные вопросы от дерзких выпускников, Байюй даже бровью не повел. Он отвечал спокойно, с достоинством и тонким юмором, срывая аплодисменты после каждой реплики.

—... Подводя итог, хочу сказать: мы будем рады видеть каждого из вас в нашей большой семье Логистической группы Лу, — вещал с экрана его мягкий, бархатистый голос. — Наша компания открывает перед молодыми специалистами безграничные перспективы. Давайте расти и побеждать вместе.

"Что верно, то верно — шансы ты давать умеешь, — горько усмехнулся про себя Цзяхэ."

На место опального секретаря посадили совсем неопытную сотрудницу, которая работала без году неделю. Она была молода, покладиста и, главное, прекрасно знала свое место: не совала нос в чужие дела и не смела дышать без разрешения генерального.

Лу Цзяхэ вглядывался в улыбающееся лицо брата на экране, и ледяной ужас медленно сжимал его сердце.

С тихим звяканьем створки лифта разъехались, и прямо перед ним возник настоящий, живой Лу Байюй.

Сердце Цзяхэ совершило кульбит и ухнуло куда-то в пятки. словно сомнамбула, он на деревянных ногах вывалился из кабины.

— Брат... — выдавил он из себя, тщетно пытаясь изобразить подобие приветливой улыбки. — Ты... ты когда вернулся?

Улыбка на лице Лу Байюя в точности повторяла ту, что только что сияла на телеэкране, но ее теплота была обманчивой, словно зимнее солнце.

— Только что, — отозвался он ровным тоном. — Цзяхэ, у тебя нет желания мне кое-что рассказать?

— Секретарь Сун... она... — замямлил Цзяхэ.

— Она слишком много на себя брала и забыла, кто здесь хозяин, — холодно отрезал Байюй. — Разве замена зарвавшегося сотрудника — не вполне естественный шаг?

По спине Цзяхэ покатился крупный град холодного пота. Теряя остатки самообладания, он начал бессвязно лепетать оправдания:

— Но она ведь столько лет верой и правдой служила нашей семье... Еще с отцом работала, когда тот только начинал... Нельзя же просто вышвырнуть человека за столько лет верной службы...

— Именно эти заслуги и вскружили ей голову, сделав ее самоуверенной и наглой, — прервал его Байюй. — Секретарем Сун я займусь лично, и уверяю тебя, даже отец не станет вмешиваться. Но сейчас меня больше интересует другой вопрос: что делать с тобой?

Цзяхэ судорожно вздохнул. Поняв, что отпираться бессмысленно, он едва не рухнул перед старшим братом на колени:

— Брат, я кругом виноват! Прости меня! Я... я не должен был использовать того человека и втихаря сговариваться с секретарем Сун...

— И это все? — приподнял бровь Байюй.

— Еще... я не должен был игнорировать твои и мамины предупреждения. Мне не следовало строить козни против Цзян Тинчжоу... Просто мы с ним столько лет собачились, я не сдержался...

— Твоя беда в другом, Цзяхэ, — со вздохом покачал головой Лу Байюй. — Ты катастрофически недооцениваешь Цзян Тинчжоу. Неужели ты всерьез полагал, будто его можно сломать столь топорной пакостью? Он из любой ситуации найдет изящный выход. Этот человек провел бок о бок со мной несколько лет. Не смей смотреть на него свысока — в искусстве ведения дел он превзошел тебя многократно.

Он сделал короткую паузу и добавил:

— Своей глупой выходкой ты лишь разозлил его еще сильнее.

Раньше Лу Байюй тешил себя иллюзией, будто уход Тинчжоу — не более чем ребяческий каприз, минутная вспышка гнева. Но когда вскрылись тайные махинации секретаря Сун, пелена спала с его глаз. Он осознал, что подобное творилось за его спиной далеко не в первый раз.

Разумеется, старая интриганка до последнего отпиралась и не желала сознаваться, но у Байюя хватало рычагов, чтобы докопаться до истины и без ее откровений.

Он молча перевел тяжелый взгляд на съездившегося Цзяхэ. С проступками секретарши все было предельно ясно, а вот что теперь делать с собственным непутевым братом — Байюй пока не решил.

— Я никак не могу взять в толк: почему при каждой встрече с Тинчжоу ты так и норовишь затеять ссору? Теперь он ушел, оставил нас в покое, но ты все равно не унимаешься. Что творится в твоей голове?

Изначально Байюй полагал, что корни ненависти Цзяхэ кроются в застарелой обиде: тот инцидент с похищением, когда Тинчжоу невольно выступил в роли живого щита, заставил младшего брата бунтовать против семейного долга. К тому же Цзяхэ водил дружбу с Цзян Ю и вечно бросался на его защиту при малейшем намеке на конфликт с Тинчжоу. Однако теперь становилось ясно: Цзян Ю здесь совершенно ни при чем.

Лу Цзяхэ стоял, понутив голову. В коридоре повисла удушливая тишина.

Он никогда в жизни не признался бы вслух, что когда-то, давным-давно, искренне хотел подружиться с этим нелюдимым приемышем. Зная, как тяжело пришлось Тинчжоу в те годы, когда тот считался пропавшим без вести, Цзяхэ сочувствовал ему. Но Тинчжоу с первой же их встречи наотрез отказался играть по его правилам.

Их вражда вспыхнула еще в старшей школе. Цзяхэ тогда занимал пост капитана баскетбольной сборной. Окружающие без устали пели ему дифирамбы. В случае победы все лавры доставались исключительно ему — главному фавориту, а при поражениях вину неизменно перекладывали на слабость остальной команды. Но затем в школе появился Цзян Тинчжоу.

Спустя всего несколько дней после перевода Тинчжоу случайно забрел на трибуны во время очередного проигранного матча. Позже, проходя мимо раздевалки, где разгоряченные игроки шумно спорили, разбирая ошибки, он остановился, послушал их препирательства и без тени смущения бросил:

— Дело не в них. Это ты играешь так себе.

Лу Цзяхэ от такой дерзости лишился дара речи:

— Что ты вякнул? А ну повтори, если смелости хватит!

— Я сказал: ты играешь посредственно, — спокойно повторил Тинчжоу.

В те годы он еще не умел юлить и подбирать мягкие слова, а потому всегда резал правду-матку в глаза.

— Вы ведь разбираете игру? Вот я и говорю: не вали все на команду, сегодня проиграли из-за тебя.

Цзяхэ тогда аж задохнулся от злости и нервно расхохотался:

— Да что ты вообще смыслишь в баскетболе, деревенщина?! Ты хоть раз мяч в руках держал? На скольких матчах ты бывал, чтобы судить меня?!

Вместо ответа Тинчжоу молча подобрал покотившийся к его ногам мяч и небрежным движением отправил его в корзину. Чистый трехочковый.

В прежней бедной жизни баскетбол оставался для Тинчжоу единственным доступным развлечением — для него не требовалось покупать дорогую экипировку. Со временем он набил руку и начал участвовать в уличных матчах на деньги. За каждую победу платили по двести юаней — неплохое подспорье для подростка, вынужденного выживать в одиночку. Пускай у него не было профессиональных тренеров, играл он феноменально.

На самом деле все прекрасно видели огрехи в игре Лу Цзяхэ. Но в глаза его засыпали лестью, предпочитая изливать яд исключительно за его спиной.

С приходом в семейный бизнес ничего не изменилось. Коллеги и подчиненные подобострастно величали его «молодым господином Лу» и расточали фальшивые комплименты, а по вечерам строчили анонимные издевки на форумах, наивно полагая, будто сам Цзяхэ ничего не замечает. Никто вокруг не верил в его способности. На фоне блистательного старшего брата он выглядел блеклым ничтожеством — и отец, и даже собственная мать, госпожа Цинь Рушуан, давно поставили на нем крест.

И лишь Цзян Тинчжоу всегда бил наотмашь сухой, беспощадной правдой.

Цзяхэ не нуждался в чужой покорности. Слишком часто ему приходилось сталкиваться с фальшивой вежливостью, за которой скрывался оскал, и он давно научился отличать искренность от угодничества.

Он лишь отчаянно жаждал, чтобы этот единственный честный человек хотя бы раз признал его силу. Хотя бы раз уступил ему, согласившись, что Лу Цзяхэ не так уж безнадёжен.

Всего один-единственный раз.

<http://bllate.org/book/19956/1995121>